

НАШ КОЛЛЕГА В. В. ПАРИН

В этом году академику Василию Васильевичу Парину (5.III 1903—15.VI 1971) исполнилось бы 85 лет. И хотя дата не юбилейная, советские физиологи, а также мировая общественность отметили ее специальной сессией. В. В. Парина очень любили, и очень многое в современной физиологии связано с его именем. Последние годы своей жизни, вплоть до самой кончины, В. В. Парин был одним из активных членов редакционной коллегии «Природы», поэтому мы тоже не захотели остаться в стороне от этого события и посвящаем ему специальную публикацию, содержащую ряд новых интересных фактов жизни и творчества замечательного ученого и человека.

ГЛАВА В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЗИОЛОГИИ

Ф. З. Меерсон,
доктор медицинских наук
Институт нормальной и патологической
физиологии АМН СССР
Москва

С ТЕЧЕНИЕМ времени становится ясно, что из научных достижений прошлого значимо сегодня, что будет играть роль завтра и что именно из своего прошлого арсенала использует наука для будущего развития. Такое перемещение человеческих свершений из прошлого в будущее служит главным критерием деятельности большого ученого и руководителя науки. Этот критерий особенно важен для нас, когда мы рассматриваем неоченимое наследие Василия Васильевича Парина, выдающегося советского физиолога — инициатора целого ряда научных направлений, таких как клиническая физиология, молекулярная кардиология, космическая физиология и физиологическая кибернетика, которые сегодня плодотворно развиваются во всем мире. Это оказалось возможным потому, что Парин был не только выдающимся ученым, но и замечательным учителем, воспитавшим десятки признанных в настоящее время специалистов по каждому из этих направлений.

Деятельность Парина не ограничивалась рамками научных исследований. До войны он руководил Свердловским, а затем Московским медицинским институтом; в тяжелые военные годы был заместителем наркома здравоохранения СССР по науке, а затем одним из учредителей Академии медицинских наук СССР и первым ее академиком-секретарем, в дальнейшем руководил отечественными исследованиями в обла-

сти космической медицины, и во всех начинаниях Парину помогали его человеческие качества. Неизменный такт, умение ценить и уважать человеческое достоинство окружающих позволяли ему не просто успешно руководить людьми, но открывать перед каждым новые творческие возможности и именно так решать самые сложные задачи.

Этот длинный перечень заслуг Парина широко известен не только в нашей стране, но и за рубежом. Недаром IX Ежегодная сессия Комиссии по гравитационной физиологии Международного союза физиологических наук посвятила специальный, изданный ИАСА, выпуск своих трудов Парину «как всемирно известному физиологу». Оценивая во вступительной статье этого сборника многогранность и весомость научной деятельности Парина, составители отмечают, что он «как ученый и человек, исследователь и организатор до сих пор остается источником вдохновения для многих людей, посвятивших себя науке»¹.

О Парине написаны статьи и книги²; известно, что он прошел научную школу

¹ Suppl. to «The Physiologist». 1988. Vol. 31. № 1.

² В издательстве «Московский рабочий» выходит в свет биографическая книга С. Г. Чурова «Сотворивший науку», куда вошли многочисленные архивные документы о бурных событиях военных и послевоенных лет, которые бережно сохранила Н. Д. Парина.

Обложка журнала «The Physiologist», посвященного 85-летию со дня рождения В. В. Парина.

у двух выдающихся физиологов, учеников И. М. Сеченова — Б. Ф. Вериги и А. Ф. Самойлова, и был, таким образом, продолжателем лучших традиций отечественной физиологии. Но еще до встречи со своими научными учителями Парин прошел другую, не менее значимую школу. Этой школой была его семья, а главными учителями — родители, Василий Николаевич и Нонна Ивановна. Одну из своих первых статей «Новые взгляды на механизм действия сердечных нервов» сын подарил отцу со следующей надписью: «Твоя жизнь, прошедшая в непрестанном стремлении к науке и самосовершенствованию, всегда останется для меня тем идеалом, к которому я даю слово стремиться до последнего вздоха. Горячо любящий и благодарный сын В. Парин. Казань. 1 декабря 1927 г.»³.

Жизнь Василия Николаевича действительно была достойна подражания. Он родился в глухой, далекой от культурных центров удмуртской деревне, где окончил 2-классную школу. В дальнейшем сумел с честью окончить медицинский факультет

Казанского университета и защитить докторскую диссертацию. Его научная работа была отмечена золотой медалью, он стал великолепным хирургом и был направлен на стажировку в Германию. В годы первой мировой войны он — фронтовой хирург, начальник медсанчасти знаменитой Брусиловской армии. В бытность свою заведующим кафедрой хирургии в Пермском медицинском институте Василий Николаевич сделал одну из первых успешных операций на сердце. Он стал первым профессором медицины из Удмуртии и организовал Ижевский медицинский институт. Пожалуй, сегодня для нас важнее всего, что Василий Николаевич предъявлял к своим детям очень высокие, подчас суровые требования, а, главное, учил их своим примером.

Мать, Нонна Ивановна, обладала не только широким образованием (она окончила Высшие женские курсы в Казани по факультету филологии, знала несколько иностранных языков), но и замечательными педагогическими навыками, унаследованными от своего отца, блестящего педагога, Ивана Матвеевича Петяева, инспектора народных училищ, который по службе был связан с И. Н. Ульяновым. И мать, и дед играли самую прямую роль в воспитании и образовании Парина. Нонну Ивановну за удивительную доброту прозвали в семье «Франциск Ассизский». Эту доброту ей удалось привить сыну.

После домашнего обучения 10-летний Василий Парин поступил во II Казанскую гимназию, зная многое сверх необходимого минимума. С 1921 по 1925 г. Парин — студент медицинского факультета Пермского университета. Здесь выполняет он первую научную работу под руководством Вериги и делает свой первый самостоятельный выбор. Вопреки настояниям горячо любимого и почитаемого отца он выбирает не хирургию (хирургом стал его младший брат Борис), а теоретическую медицину, точнее физиологию. После окончания университета и смерти Вериги, у постели которого Парин провел многие бессонные ночи, он принимает еще одно ответственное решение — учиться физиологии не в лаборатории И. П. Павлова в Ленинграде, а в лаборатории Самойлова в Казани, где прогрессировала точная инструментальная физиология. Школа Самойлова научила Парина экспериментальному мастерству, умению критически анализировать материал и предъявлять высокие требования к своим лекциям. Тем не менее в 1927 г. он принимает третье серьезное решение — покидает лабораторию Самой-

³ Парин В. В. // Казанский медицинский журнал. 1927. № 10. С. 1054—1060.

лова и возвращается на кафедру физиологии Пермского университета.

В этот же период, в 1930 г., происходит одно из самых важных событий в жизни Василия Васильевича — он навсегда связал свое сердце и судьбу с Ниной Дмитриевной Марко. Женщина тонкого ума и большой воли, она сумела не только организовать жизнь большой и даровитой семьи, она помогала мужу с честью преодолеть возникавшие трудности и невзгоды, подчас весьма драматичные.

Оценивая научную деятельность Парина, мы должны сегодня обратиться прежде всего к физиологии кровообращения, которой он занимался всю жизнь: сначала в Перми, затем на кафедре физиологии Свердловского медицинского института, далее на кафедре клинической физиологии Центрального института усовершенствования врачей и, наконец, в Академии медицинских наук в Москве.

В 1930 г. в Перми Парин начал изучать сокращение селезенки при раздражении чувствительных нервов. Эту работу он посвятил памяти Самойлова⁴. В ней Парин впервые показал, что сокращение селезенки при раздражении седалищных нервов вызвано не изменением артериального давления, а связано с сокращением самой селезенки, как под влиянием нервных импульсов (они реализуются и после денервации органа), так и с действием надпочечников. Уже тогда четко обозначались два пути регуляции сократительной функции селезенки как главного депо крови — нервный и нейрогуморальный. В дальнейшем, в Свердловске, Парин вместе с В. Н. Черниговским продолжил эти исследования, в которых было установлено, какие именно температурные раздражители и каким образом меняют ритм сокращений и объем селезенки⁵. Анализируя эти результаты, Парин прямо говорит о роли нервной регуляции в мобилизации селезенки и связывает этот факт с общими представлениями У. Б. Кеннона по физиологии эмоций, т. е. со способностью эмоций мобилизовать резервы организма. (Сегодня очевидно, что представления Кеннона были прообразом концепции стресс-реакции Г. Селье.) В самые последние годы исследования Парина по рефлекторной регуляции селезенки получили развитие применительно к портальному руслу (основному депо крови) в целом, причем было

доказано, что эмоционально-болевым стрессом глубоко меняет функцию портальной (воротной) вены, собирающей кровь от всех непарных внутренних органов брюшной полости и относящей ее в печень. Возникающее при этом нарушение кровообращения может стать причиной коллапса и шока. Таким образом, уже первые эксперименты Парина дали не только аналитический результат, но и предопределили современное, важное для клиники развитие исследований по нервной регуляции портального русла.

Выход в сферу клинической патофизиологии кровообращения характерен для всех работ Парина по кровообращению. Так, в 1935 г. вместе с сотрудниками кафедры физиологии Свердловского медицинского института А. П. Полосухиным и В. Н. Черниговским он изучил влияние температуры на кровообращение человека⁶. Оказалось, что объем крови, перекачиваемый за минуту, увеличивался с ростом температуры не за счет изменения частоты сердечбиений, а исключительно из-за увеличения ударного объема крови, выбрасываемого сердцем за систолу. Эта важная деталь рефлекторной регуляции функции сердца вызвала к жизни другую удивительную по тем временам работу Парина и М. А. Уколовой по измерению систолического и диастолического объема полостей сердца в процессе его работы. В ходе эксперимента эти объемы впервые были зафиксированы рентгенографически. Парин писал: «предлагаемая нами рентгенофизиологическая методика открывает большие перспективы не только для изучения изолированного сердца, но и для изучения сердца в целом организме»⁷. Именно эта свердловская работа стимулировала развитие рентгенофизиологии, той самой рентгенофизиологии, которая вместе с ЭХО-кардиографией занимает сейчас главное место в оценке состояния сердечной мышцы и, прежде всего, диастолического расслабления у человека.

В Свердловске началось и изучение рефлексов на примере малого круга кровообращения. В те годы на плечи Парина уже легло бремя организаторской работы — он стал директором Свердловского медицинского института. Поэтому заниматься экспериментальной работой ему было совсем нелегко, и неизвестно, как сложилось бы дело, если бы не Нина Дмитриевна. Она непосредственно участвовала в опытах, своевременно извлекала директора из

⁴ Парин В. В. Избр. тр. Т. 1. М., 1974. С. 46—57.

⁵ Парин В. В., Черниговский В. Н. // Физиол. журн. СССР. 1936. Т. 20. № 4. С. 624.

⁶ Парин В. В. Избр. тр. Т. 1. С. 30—39.

⁷ Там же. С. 45.

В. В. Парин и Н. Д. Парина. Москва. 1941 г.

директорского кабинета и сделала все, чтобы эта, ставшая теперь классической, работа была выполнена. В сложных экспериментах на кошках Парин, изолировав от сосудов легкие и сохранив только нервные связи, изменял давление в легочных сосудах. В ответ возникали рефлекторная брадикардия (падение давления в большом круге) и, наконец, рефлекторное расширение селезенки⁸, названное рефлексом Парина. Этот известный комплекс работ по изучению интеррецепторов и интеррецептивных рефлексов дал важное для кардиологической клиники представление о разгрузочных рефлексах с малого круга на большой. Такое представление затем получило развитие как концепция координаторного снижения функции кровообращения, т. е. механизма, который обеспечивает уменьшение сердечной активности во избежание сердечной недо-

статочности. Наконец, очень скоро в исследованиях сотрудницы Парина Н. Г. Кроль выяснилось, что рефлексы рецепторов легочных сосудов при эмболии и других состояниях могут играть роль в развитии такого важного для клиники синдрома, как коллапс.

Мы видим, что все исследования Парина уже на «свердловском этапе» так или иначе выходят в область клинической физиологии человека. Было ли это случайностью? Нет, речь шла о планомерном развитии клинической физиологии кровообращения. Еще в 1931 г. в статье «Сердце и физический труд» с присущей ему ясностью Парин писал, что стремление физиологов и врачей познать функцию скрытых в глубине тела органов породило вивисекцию. Метод «дерзновенный и бесцеремонный», но имеющий большие ограничения, во-первых, потому что не применим к человеку, а во-вторых, потому что заведомо упрощает ситуацию и выводит орган из-под контроля регуляторных механизмов. «Теперь физиология, наконец, отхо-

⁸ Парин В. В. Роль легочных сосудов в рефлекторной регуляции кровообращения. М., 1946.

дит от этого пути чисто аналитического изучения работы отдельных органов, стремится к изучению их деятельности в условиях, возможно более близких к жизненным, становится более обобщающей наукой. Целый ряд новых остроумных методов исследования дает ей, наконец, возможность повернуться "лицом к человеку"⁹. Эти строки были написаны 57 лет назад, когда не существовало ни катетеризации сердца, ни компьютерной томографии, ни современной клинической биохимии с радиоиммунными методами, ни компьютерных методов количественного анализа электрической активности определенных структур головного мозга, т. е. всего того, что сегодня составляет реальное содержание клинической физиологии и патофизиологии человека.

В 1941 г., вскоре после успешной защиты докторской диссертации, жизнь поставила перед Париным несоизмеримо более широкие задачи — в марте он был назначен директором I Московского медицинского института им. И. М. Сеченова. В своей речи на ученом совете 7 апреля директор сказал: «С чувством громадной ответственности приступаю я к работе по руководству наиболее мощным и старейшим высшим учебным заведением нашей родины». Ответственность, действительно, была очень велика, и вскоре Парин почувствовал ее особенно остро. 22 июля, через месяц после начала войны, фашисты бросили на город почти 300 бомбардировщиков. Это была первая, самая лютая бомбежка Москвы. К этому времени директор переселился в институт и по первой тревоге поднялся на свой директорский пост — на метеовышку. В район клиник института в ту ночь упали сотни зажигательных и несколько фугасных бомб. Были пожары, разрушения, но основные здания удалось спасти, и институт, отмеченный на картах фашистских пилотов, сохранился и продолжал работать и готовить для фронта первые военные выпуски врачей.

События на фронте развивались, наступило 15 октября, по-видимому, наиболее мрачный для Москвы день за всю войну. Парин получил устное распоряжение министра здравоохранения СССР Г. А. Митерева: «... не рассчитывай на железнодорожный транспорт, мобилизуй, если можно, свой транспорт, захвати сколько можешь людей, Пусть едут без всяких вещей и как можно скорей». В письме по этому поводу Парин написал: «Я был ошеломлен этим разговором, абсолютно неожиданным для меня.

Перспектива позорного бегства и оставления на произвол судьбы большинства научных работников и всех студентов предстала передо мной во всем безобразии»¹⁰. В этом открытом, отправленном, разумеется, не по почте письме, был весь Парин, человек высокого мужества и чести. Несмотря на огромные трудности Парин сумел организовать эвакуацию 20 профессоров и 40 других сотрудников института в свободном вагоне, который оказался в эшелоне Наркомздрава, и вывез их в Уфу. Однако, когда директор максимально быстро вернулся в Москву, где паника понемногу начала утихать, он обнаружил у себя на столе запрос Военной прокуратуры: «Военная прокуратура Фрунзенского р-на просит срочно сообщить, куда выбыл бывший директор Института В. В. Парин, его заместитель и главбух». Директор, как положено, наложил красными чернилами резолюцию: «Управлению делами. Сообщить. Парин. 12 ноября 1941 г.»

Между тем в морозных аудиториях института продолжалась работа. Фронту нужны были врачи. Все московские медицинские вузы к тому времени объединились в один коллектив, и возглавил этот временный сводный медицинский институт Парин. Было осуществлено три первых военных выпуска врачей: один обычный и два досрочных, последний из которых в декабре 1941 г. весь был направлен в блокадный Ленинград. Судьба этих 620 девушек с 4-го курса, надо думать, сложилась нелегко, но их благородный труд сыграл свою роль в том, что в Ленинграде во время блокады не было эпидемий.

В то время Парин постоянно контактировал по всем вопросам военной медицины с Н. Н. Бурденко, председателем ученого совета Наркомздрава СССР. В 1942 г. Парин был назначен заместителем наркома здравоохранения по науке. Едва ли сейчас можно охватить все многообразие дел, которыми он занимался на этом посту. Известна его работа по борьбе с эпидемиями в тылу Южного фронта, в Дагестане.

Сохранились интересные документы о конкретных вопросах, которые пришлось решать в эти годы Парину, например, быть или не быть отечественной реаниматологии. Как вспоминает создатель этого направления В. А. Неговский: «Парин брал на себя ответственность и как администратор, и как ученый за успех нашего дела. Он без всяких колебаний распорядился снарядить бригаду реаниматологов, выделить ей деньги и все необ-

⁹ Парин В. В. Избр. тр. Т. 1. С. 19—29.

¹⁰ Архив Н. Д. Паринной.

На учредительном собрании Академии медицинских наук: (слева направо) А. И. Абрикосов, Ю. Ю. Джанелидзе, Е. Н. Павловский, И. А. Куприянов, В. В. Парин, Л. А. Орбели. Москва. 1944 г.

ходимое»¹¹. Так было положено начало новому научному направлению — реаниматологии.

В 1944 г. после длительных дискуссий в Наркомздраве и ЦК партии было принято решение о создании Академии медицинских наук. Из ее учредителей А. И. Абрикосов и Н. Н. Бурденко были уже немолоды и не очень здоровы, нарком Г. А. Митерев занят организационными делами, директор Все-союзного института экспериментальной медицины Н. И. Гращенков всецело поглощен судьбой своего большого института. Неутвержденным, но очень деятельным членом оргкомитета и, как всегда, чрезвычайно ответственным стал Парин. Он штудировал устав академии королевского общества, готовил справки о зарубежных научных ассоциациях и академиях, проект устава академии, составлял списки академических институтов и первого состава академии. Сочиняя устав академии, Парин пытался не ставить новую академию в подчинение Наркомздрава, т. е. сделать ее возможно более независимой и самостоятельной. 20 декабря 1944 г. на учредительном собрании Абрикосов, рекомендовавший Парина академиком-секретарем, сказал: «Я должен оттенить еще одно обстоятельство — очень многих, в том числе и меня, чрезвычайно смущала та громадная ответственность, которая ложится на членов Президиума по организации Академии медицинских наук. Но когда мы дошли до об-

суждения кандидатуры академика-секретаря и выяснилось, что намечается кандидатура В. В. Парина, то мы в значительной степени успокоились. Мы поняли, что в таком академиком-секретаре мы будем иметь действительно гарантию того, что значительную часть этой ответственности он возьмет на себя»¹².

На плечи Парина лег громадный труд по созданию академии. Он занимался всем — от организации институтов до реставрации прекрасного здания Жиларди на Солянке, в котором и теперь расположена Академия.

Я хочу сейчас, однако, остановиться лишь на одной стороне деятельности Василия Васильевича, а именно на контактах с зарубежными учеными, и не потому, что они были важнее, а потому что некоторые эпизоды этой деятельности особенно ярко характеризуют его как личность и как человека государственного.

В 1946 г. Парин вместе с делегацией советских ученых посетил Венгрию, познакомился с научными учреждениями и их сотрудниками, и в частности с выдающимся венгерским ученым, биохимиком, лауреатом Нобелевской премии А. Сент-Дьердьи. Отчет об этой поездке, который пока еще нигде не опубликован, представляет собой любопытнейший человеческий и политический документ. В этом официальном документе, предназначенном для самых высоких инстан-

¹¹ Резник С. Лицом к человеку. М., 1981. С. 63.

¹² Архив Н. Д. Паринной.

ций, Парин пишет: «Крайняя степень инфляции и тяжелое положение ученых, получающих ничтожный общегражданский паек и месячное жалованье, достаточное для оплаты 1 трамвайного билета, привели почти к полному прекращению научной работы»¹³. Далее Парин отмечает, что институт Сент-Дьердьи, изучающий суть жизни на основе представлений ядерной физики, стал своеобразной научной общиной, в которой Сент-Дьердьи за свой счет кормит, одевает и обувает сотрудников. Нельзя без волнения читать строки, в которых Парин предупреждал, что ученый испытывает определенное «смятение чувств» и может изменить ориентацию в сторону Америки и Англии, беспокоился, нет ли в этом вольной или невольной вины сотрудников нашей миссии в Венгрии, советовал проявить по отношению к Сент-Дьердьи максимальное внимание. Этот документ — свидетельство последовательной гуманистической позиции Парина, интеллигента и коммуниста.

Между тем перед ответственной командировкой Парина в США в 1947 г. и сразу после нее развернулись драматические события, которые привели к главной трагедии в его жизни. Уже в 1946 г. сначала в научных, а потом и более широких кругах начались разговоры о новом препарате КР. Создатели этого препарата Н. Г. Клюева и Г. И. Роскин полагают, что нашли радикальное средство лечения рака. К тому времени было известно уже более 100 препаратов, подавляющих рост опухолей у животных, и, таким образом, появление КР было интересным, но все-таки совсем не экстраординарным событием в онкологии. Поэтому Президиум АМН СССР, обсуждавший вопрос о КР в марте 1946 г., принял осторожное решение — исследования развивать, но в клинику раньше времени не переносить. Однако на заседании Президиума присутствовали журналисты. И вскоре в «Известиях» и «Огоньке» появились статьи рекламного характера. Возникла нездоровая сенсация: средства против рака не было, а ложные надежды были даны, и немалые. В довершение всего история получила международный резонанс. В то время от опухоли погибал ближайший соратник президента США Ф. Рузвельта — Г. Гопкинс, и после статей в нашей прессе американский посол обратился лично к Клюевой с просьбой дать препарат для лечения Гопкинса. Тогда Клюева написала Сталину о бюрократизме Президиума АМН СССР, который не оценил великое завоевание советской науки. По ука-

занию Сталина была создана комиссия, в которую вошли два члена Политбюро. «На основе глубокого анализа проблем онкологии» комиссия решила создать лабораторию для Клюевой и Роскина и срочно опубликовать их монографию.

Но какое, собственно говоря, отношение имел ко всему этому делу Парин? Почему оно отягло у него семь плодотворных лет жизни? Я знаю об этом со слов Парина и из некоторых документов, хранящихся в семейном архиве. Клюева и Роскин обсуждали свои результаты с Париним как с академиком-секретарем. Они подробно рассказывали о своих экспериментах с препаратом. Парин даже посоветовал выращивать трипаносом (из которых получили препарат), заражая ими не взрослых коров, а телят, у которых иммунитет еще не сформировался. Клюева и Роскин предложили Парину соавторство. Он их предложение, естественно, отклонил. Вскоре по решению Совета Министров СССР Парин был командирован в США для обмена информацией и с согласия министра Митерева взял с собой для публикации в американских журналах работу Клюевой и Роскина. В плане поездки, согласованной с Министерством иностранных дел, передача рукописи была предусмотрена. 17 февраля 1947 г. сразу по возвращении из четырехмесячной поездки, Парина неожиданно вызвали на заседание Политбюро. Как рассказывал Парин, результаты рассмотрения дела докладывала комиссия, в которую входили Берия, Жданов и другие, а присутствовавший на заседании Сталин все время расхаживал по комнате. Комиссия изложила дело достаточно сдержанно и сообщила, что Парин передал для публикации в американском издательстве научную рукопись Клюевой и Роскина. Было ли на это разрешение? Комиссия сообщила, что в данном вопросе между Париним и Митеревым имеется расхождение. По словам Митерева, такого разрешения не было, а по словам Парина, было. Но, как сообщила комиссия, имеются косвенные свидетельства в пользу Парина, а именно: существует копия разрешения. Митерев расплакался, стал размахивать руками и объяснять, что ни в чем не виноват. Сталин спросил: «Скажите, Парин, а почему американцы бесплатно возили вас по США?» «По Вашему указанию, — ответил Парин. — У нас в стране таким же образом принимали американских ученых». Сталину этот ответ, видимо, не понравился. Он спросил присутствовавших на заседании Клюеву и Роскина, доверяют ли они Парину. Те ответили: «Доверяем». Далее последовала реплика Сталина: «А я ему не доверяю». На том заседание

¹³ Там же.

закончилось. Но эта короткая реплика Сталина вылилась для Парина в приговор к заключению за шпионаж на долгие 25 лет. Теперь, оценивая этот эпизод в историческом ракурсе, мы понимаем, что дело было не в передаче рукописи, в которой отсутствовали секреты. В то время Сталин решил заморозить общение с Западом, восстановить атмосферу 37—38 гг. «Дело Парина» было одной из политических акций, направленных к этой цели, что подтверждает, в частности, пропагандистский бум, поднятый вокруг него по личному указанию Сталина. После следствия, длившегося более года, весной 1948 г. Парин был осужден.

Эта история послужила поводом для создания отвратительного по своей лживости художественного фильма А. П. Штейна «Суд чести» и пьесы того же автора «Закон чести». Не менее гнусный характер имел и сам суд чести, где председательствовавший профессор А. Н. Шабанов больше 100 раз произнес: «Парин — шпион». В условиях «высокой законности» тех времен следствие было чисто формальным. Парина приговорили к 25 годам заключения и отправили по этапу. Сначала он попал на баржу, направляющуюся в Норильск, но его сняли с этапа и поместили во Владимирский штрафной изолятор, где в день выдавали четверть буханки хлеба и потому многие выживали. Здесь судьба и свела Парина с историком Л. Л. Раковым и писателем Д. Л. Андреевым.

Находясь в одной камере (№ 13) с уголовниками, они создали удивительное произведение «Новейший Плутарх».

Парин был одним из первых политзаключенных, освобожденных уже в 1953 г., сразу после смерти Сталина. Активную роль в этом сыграл тогдашний президент АМН СССР А. Н. Бакулев, через которого Н. Д. Парина передала свое ходатайство о пересмотре «дела».

Заключение не ожесточило Парина, он по-прежнему любил людей, любил науку. Благодаря поддержке семьи и вниманию друзей Парин очень скоро — уже к 1954 г. — сумел стать действующим и, как прежде, творческим ученым. Вскоре он создал кафедру клинической физиологии при Центральном институте усовершенствования врачей, провел крупные исследования в этой области, получившие признание в СССР и за рубежом. В его лаборатории были заложены основы так широко развивающегося теперь в мире и важного для клиники направления — молекулярной кардиологии. В 1960 г. Парин был избран председателем Комитета по медицинской технике, а также вице-президентом Международной федерации меди-

цинской электроники и медицинской техники. Президентом этой федерации был большой друг Парина Владимир Кузьмич Зворыкин, лауреат Нобелевской премии, изобретатель телевидения, один из создателей бионики. Они познакомились еще в 1946 г. в Принстоне во время заграничной командировки Парина. Зворыкин (родом из Мурома) уехал из России, вероятно, в 1919—1920 гг. Он занимал видное место не только в американской науке, но и в американской технике, промышленности, был владельцем важных патентов. Еще тогда, зная о желании друга передать Родине свои достижения, Парин пытался помочь ему. К сожалению, представленный руководству документ остался без внимания, но дружба, завязавшаяся еще до ареста Парина, продолжалась всю жизнь, тем более что друзья оказались связаны по работе.

В 1960 г. Парин возглавил Институт нормальной и патологической физиологии АМН СССР. С 1965 и по 1969 г. он — директор Института медико-биологических проблем, в 1966 г. стал академиком АН СССР, а в 1967 г. был вновь избран академиком-секретарем, а затем вице-президентом АМН СССР. И какие бы высокие должности ни занимал Парин, он всегда использовал свои позиции не для самоутверждения, а чтобы воспитать новое поколение учеников, новое поколение ученых во всех сферах, где он работал.

Сегодня Василий Васильевич Парин и его деятельность — глава истории нашей науки. В заключение хотелось бы напомнить, что среди многих граней таланта Парина было и серьезное увлечение историей физиологии. Его статьи о Самойлове, Павлове, Мечникове, Гарвее и в наши дни в полной мере сохраняют свое значение. И цитата из Гарвея, которую он приводит в своей статье «вечный порядок вещей связан с взаимодействием рождения нового и гибелью старого, и подобно тому, как солнце, находящееся сначала на востоке, а затем на западе, отмечает бег времени своими бесконечными обращениями, так и преходящие, кратковременные процессы земного существования становятся вечными благодаря непрерывной смене поколений, а роды и виды живых существ увековечиваются, хотя индивидуумы умирают»¹⁴ как нельзя лучше отражает жизнеутверждающий, оптимистический талант Парина, живущий не только в его трудах, но и в его учениках.

¹⁴ Парин В. В. Основоположник учения о кровообращении. // Природа. 1957. № 12. С. 69.

Роберт-Томас Джонс [1871 — 1930]

Р.Т.ДЖОНС- ОСНОВАТЕЛЬ СЕКТЫ АКЦЕЛЕРАНТОВ

В. В. Парин

Василий Васильевич Парин был особенно полезен в трудных, щекотливых делах, когда надо было поддержать доброе начало и пресечь злое. Тут его податливая мягкость окаменевала в несокрушимую твердость. В редакции хорошо знали это свойство его натуры. Но, как это часто бывает, воспринималось оно как имманентная данность, без понимания глубоких причин, которые оставались для тех, кто долго и близко знал Парина, некоей невидимой частью айсберга. Да и не в характере Парина было обнажать истоки своих слов и дел. О Парине уже немало написано очерков, воспоминаний и даже книги. Но нигде эта таинственная подоплека его *modus vivendi* не обнажалась.

И вот, совершенно неожиданно, нам открывается эта невидимая, подводная, подоплечная сторона. И такой скрытый, наш Василий Васильевич самолично, да еще в письменной форме, да не в простой письменной, а проявляя не числившуюся доселе за ним грань творческого дара, излагает громко, ярко и определенно символ своей веры.

Вдова и верный друг Василия Васильевича в течение всей его жизни, Нина Дмитриевна Парина, сохранила и передала для публикации в наш журнал удивительный документ. Когда Парин отбывал свой 25-летний срок в знаменитом Владимир-

ском централье, его сокамерниками оказались Лев Львович Раков, историк и археолог, сподвижник И. А. Орбели — хранителя Государственного Эрмитажа, и поэт Даниил Леонидович Андреев, сын знаменитого автора «Рассказа о семи повешенных». Все трое, по затее Ракова, стали сочинять «Биографический словарь воображаемых знаменитых деятелей всех стран и времен» под названием «Новейший Плутарх». Одному богу известно, как в камере, под неусыпным надзором тюремщиков удалось этой троице не только сочинить, но и записать, сохранить и переправить на волю литературное произведение в 20 авторских листов. Так или иначе, но по выходе на свободу в связи с реабилитацией за отсутствием состава преступления, авторы, стараниями Ракова, стали каждый обладателями машинописной копии с фотокопиями рисунков, выполненных Раковым уже на свободе. После кончины Ракова и Андреева их экземпляры потерялись. До нас дошел единственный сохранившийся экземпляр Парина. В этом экземпляре рукою Ракова отмечено, какие из 44 новелл сочинил Парин, а на титуле значится дарственная надпись: «Дорогому другу Василию Васильевичу этот памятник нашего совместного творчества, на память о тех горьких днях, которые мы провели вместе. А все же, как

ни странно, эти дни бывали и прекрасными, когда мы, подчас, ухитрились жить в подлинном мире идей, владея всем, что нам угодно было вообразить.

20.VI.55»

Этот, пожалуй, не имеющий аналогов памятник истории нашей науки и культуры еще ждет своего исследователя и публикатора. Мы же, публикуя одну из новелл Парина «Джонс — основатель секты акцелерантов», преследуем иную цель: понять то, что не удавалось постичь и биографам.

«Новейший Плутарх». Откуда это название! Ведь Плутарх в своих «Жизнеописаниях», которые в буквальном переводе прозвучали бы как «Жизненные параллели», характерен параллелизмами: каждому знаменитому греку сопоставлен знаменитый римлянин. В «Новейшем Плутархе» нет этих литературных параллелей, но мы без особого труда отыскиваем их в нашей действительности. «Новейший Плутарх» — это аллюзия-сатира на некоторых наших современников: ученых, философов, изобретателей и всевозможных общественных деятелей. Среди воображаемых знаменитостей даже слабо вооруженный глаз увидит прототипы лысенков, презентов, лепешинских, бошьянов — передельщиков природы, изобретателей вечных двигателей, переустроителей общественной жизни в це-

лях земного рая. И дело даже не столько в специализации героев, сколько в типичных свойствах этих так хорошо знакомых нам натур — ошеломляющее невежество, служащее благодатной почвой для беспардонной самоуверенности и при угрозе неудачи находящее опору в неприкрытом цинизме, демагогии и подлости. Хотя сами они квалифицируют свои добродетели как (цитируем Джонса-акцелеранта) «страстность, искренность, взволнованность и убежденность».

Жанр «Новейшего Плутарха» нарочито неоригинален. Более того, он традиционен. Авторы откровенно следуют традиции, заложенной в «Мертвых душах», продолженной в «Помпадурах и помпадуришах» и «Истории одного города», развитой в «Собачьем сердце» и «Рокковых яйцах».

Мы, начитавшиеся научных биографий, жизнью замечательных людей, найдем в «Новейшем Плутархе» кое-что и по свежее, например, невытравимые даже в знаменитом сериале «ЖЗЛ» агниографические штампы биографического психо-

анализа в духе чьих-то миней, когда истоки трудолюбия и упорства замечательной личности отыскиваются в суровом воспитании и борьбе с превратностями судьбы, а залогом успеха считается святое поклонение добрым традициям и борьба со злом. Не оттого ли самый снисходительный читатель не в состоянии прочесть двух научно-художественных биографий кряду!

Впрочем, едва начав читать «Джонса-акцелеранта», вы и сами заметите, на что намекает в своей сатире-пародии ее автор. Нас теперь интересует другое. Следуя, или, точнее, подражая традиции нашей великой отечественной сатиры, Парин не ограничивается иронией, доброй или злой, он подводит под нее глубокий и солидный этический базис и философский фундамент.

Нет, не случайно автор избрал тему эйтаназии¹. Известно,

¹ Эйтаназия — намеренное приближение смерти неизлечимого больного с целью прекратить его страдания.

что эйтаназия рассматривается по закону как преступление. Но история Джонса-акцелеранта — аллюзия на социально-этические принципы человеколюбия, которые за понятием «человечество» забывают человека, противопоставляют интересы общества и человека. Это явление в наши дни получило меткое название социоцентризма, которому сегодня объявлена война, — явление, борьбе с которым, как нам после чтения «Джонса-акцелеранта» стало ясно, была посвящена вся жизнь Парина. Вот каков его высокий символ веры. Вот его жизненная установка, которую он никогда, по свойственной ему скромности и деликатности, даже в самом узком кругу, не высказывал вслух. А в «Джонсе-акцелеранте» автор высказался на этот счет недвусмысленно: «Джонсу становилось ясно, что весь вопрос об эйтаназии является только частью гораздо более значительной этической проблемы — имеет ли право человек при каких-либо обстоятельствах распоряжаться жизнью другого!»

РОБЕРТ-ТОМАС ДЖОНС родился в семье клерка в Портсмуте — одном из крупных портовых городов Англии. Через два года после рождения Роберта отец его умер, и семья, состоявшая из вдовы и трех детей, вскоре же впала в крайнюю степень бедности. Детские воспоминания Д. были безрадостны. В тех немногих случаях, когда он делился ими, он со слезами на глазах рассказывал о том, как его мать, перебиваясь разной случайной работой, героически боролась с нуждой, как умерли от какой-то инфекции его старшие брат и сестра, истощенные постоянным недоеданием, как он, оставшись единственным ребенком, рос среди соседей, таких же бедняков, как и его мать. Мальчик рано развивался и был на редкостьмышленным и любознательным. В приходской школе для бедных на его способности обратил внимание старик учитель, сумевший добиться для мальчика материальной помощи попечителей школы. Эта, хотя и мизерная, помощь дала ему возможность после окончания приходской школы получить среднее образование и даже поступить в Университет в Лидсе. Получив медицинское образование, Джонс возвращается в родной город и поступает на муниципальную службу в качестве врача для бедных.

Бескорыстный идеализм молодого врача, искреннее понимание нужд бедняков, всегдашняя готовность помочь им не только своими профессиональными знаниями и добрым словом, но и деньгами из своего скудного жалования быстро завоевали ему самую лучшую репутацию среди его многочисленных пациентов.

Трогательная забота о матери, с которой Джонс поселился по возвращению на родину, стремление всячески скрасить ее отягощенную болезнями и скорбными воспоминаниями старость без остатка заполняя все время, которое оставалось у него свободным от работы, и составили всю его личную жизнь. К несчастью, мать Джонса не смогла долго

пользоваться скромным уютом и покоем, созданным для нее любящим сыном. Старушка заболела раком желудка — болезнью, диагноз которой в то время был в сущности равносильным смертному приговору для больного. Несколько месяцев больная мужественно старалась не выдавать сыну степень своих страданий. Однако от внимательных глаз любящего человека, умудренного к тому же опытом и знаниями врача, этих мук не скроешь, и молодой человек все это время терзался сознанием своего бессилия и бесплодности всех попыток хоть чем-либо скрасить последние дни горячо любимой матери. Наступила роковая развязка, и Д. остался один, без всякой личной жизни, с душой, надорванной многими неделями мучительного переживания страданий самого близкого ему человека.

Стараясь заполнить возникшую в его существовании брешь и отделаться от тягостных мыслей о неправомерности и незаслуженности мучений, завершивших и без того тяжелую и скорбную жизнь его матери, Джонс с еще большим рвением, чем прежде, отдался своей врачебной работе среди бедняков. Каждодневные сцены вопиющей нужды и неисчислимы страдания, свидетелем которых он являлся, не могли, однако, послужить действенным средством для того, чтобы вызвать благотворные сдвиги в общем направлении его мыслей.

Он все больше и больше впадает в отчаяние, перерастающее в общее пессимистическое мироощущение. Работа врача начинает казаться ему жалким паллиативом, не устраняющим подлинных причин страданий. Еще меньше может помочь в облегчении людского горя и благотворительность в ее самых разнообразных формах. Нет выхода, по мнению Джонса, и в каких-либо государственных мероприятиях, и даже в радикальном социальном переустройстве жизни. Он продолжает свою работу просто потому, что нужно же ведь что-то делать, но каждый день несет ему новые и новые разочарования.

Находясь постоянно в таком настроении безысходности и бессмысленности жизни, Джонс наталкивается в одном из медицинских журналов на отголоски дискуссии о так называемой эйтаназии — праве врача на сокращение мучений безнадежного больного, на ускорение неизбежного конца, на вызывание безболезненной агонии путем впрыскивания смертельной дозы какого-либо наркотического средства. Эта проблема — одна из старейших и вместе с тем всегда волнующих проблем врачебной этики — как мощный магнит притягивает к себе все мысли Джонса. Как человек, он готов согласиться с тем, что многие из его пациентов, да и его собственная мать, переносили, будучи в безнадежном состоянии, страдания, которые из чувства простого сострадания хотелось бы устранить, чтобы сделать их расставание с жизнью неотягощенным хотя бы этими ненужными физическими муками.

Но как примирить это инстинктивное чувство с долгом врача? Разве всегда можно быть абсолютно уверенным в непогрешимости твоего заключения о полном отсутствии шансов на выздоровление? Как решиться на то, чтобы вместо борца за жизнь человека стать пособником смерти, пусть даже желанной для самого больного? Можно ли посягнуть на жизнь человека даже при этом обстоятельстве?

Джонсу становится ясно, что весь вопрос об эйтаназии является только частью гораздо более значительной этической проблемы — имеет ли право человек при каких-либо обстоятельствах распоряжаться жизнью другого? Практика жизни давно делает в этом вопросе многочисленные оговорки, разные для разных времен и для разного уклада жизни. Но не из этих софизмов, временных, переходящих, нужно исходить при решении дела. Необходимо попытаться найти более общие, более прочные, неизблемые этические обоснования для того, чтобы покончить с этим мучительным сомнением, которое хоть раз в жизни возникало перед каждым настоящим врачом.

Джонс лихорадочно уходит в поиски таких обоснований. Он перечитывает массу философских и религиозных сочинений. Он убеждается, что философские системы, построенные на логических доводах разума, мало что добавляют к тому, что он передумал сам по волнующему его вопросу. Обращение к изучению различных религиозных систем, признающих абсолютную ценность души человека, покорность высшим силам, безусловную греховность убийства и самоубийства, как противоречащих воле Верховного начала, с одной стороны, показало Джонсу как будто бы единодушное осуждение большинством религий насильственного лишения жизни при любых обстоятельствах. С другой стороны, однако, Джонсу кажется, что во всех религиях есть и какая-то явная непоследовательность в основном вопросе о соотношении ценности земной и потусторонней жизни. Он начинает считать вопрос об эйтаназии гораздо менее значительным, чем это ему каза-

лось сначала. Его общее мироощущение влечет его к более глубокому пересмотру основного представления о жизни земной и жизни вечной. Вера в последнюю, бессознательно хранившаяся в нем с детских лет, окрепла теперь под влиянием перенесенных им потрясений и глубокого изучения религиозной литературы.

Джонс все пристальнее задумывается над этими краеугольными проблемами. В нем зреют новые убеждения. Он решает, наконец, изложить их систематически и в течение двух лет пишет книгу, ставшую теоретической основой «акцелерантизма».

Книга Джонса «Активная религия» не отличается плавностью и красотой стиля и логической убедительностью, которыми так любят щеголять многие современные богословы. Нет в ней ссылок на разнообразные открытия современной науки, обнаруживающих глубину и разносторонность эрудиции автора и показывающих стремление доказать, что все эти открытия не только не противоречат учениям религии, но даже подтверждают их. С первых же страниц книги мы видим, что ее написал не профессионал-теолог, не философ-мистик, а человек, пришедший к своим мыслям только в результате огромной внутренней работы, бессонных ночей и неоступных мучительных раздумий. Именно поэтому книга Джонса поражает даже тех, кто не может согласиться с его положениями, своей страстностью, искренностью, взволнованностью и убежденностью.

Попытаемся сформулировать в сжатой форме основные положения учения Джонса.

1. Все религии, признающие загробную жизнь, считают ее вечной, высшей, истинной жизнью, земную же жизнь — лишь временным этапом на пути к этому вечному существованию.

2. В земной жизни дух человека отягощен плотской оболочкой.

3. Потребность духа — одна: стремиться к вечной истинной жизни. Потребности плоти — многообразны. Они вступают в постоянное противоречие с потребностью духа, вводят человека в соблазн, заставляют его совершать вольные и невольные прегрешения.

4. Основной непоследовательностью всех признающих загробную жизнь религий является призыв к пассивному ожиданию высшей формы жизни — вечного блаженства.

5. Истинно верующий человек должен действительно стремиться к скорейшему переходу к истинной жизни, не отягощенной веригами плоти.

6. Аскетизм, ограничение плоти, является лишь паллиативом, основанном на упомянутой выше (4) основной философско-религиозной непоследовательности.

7. Истинная действенная религия требует сознательного уничтожения плотской оболочки для ускорения перехода к вечному блаженству. (От слова «ускорение» — по-английски «acceleration» — произошло и название секты, основанной Джонсом.)

8. Чем в более раннем возрасте совершается активный переход к вечной жизни, тем скорее душа присоединится к сонму блаженных, ибо ей меньше придется искупать прегрешений, в которые вовлекла ее плоть.

9. Равным образом и по тем же основаниям наиболее праведные взрослые люди заслуживают скорейшего перехода к вечной жизни.

10. Истинно верующие люди не могут ограничиваться личным спасением. Их долг — помочь созревшим, но по своему смирению считающим себя еще недостойным вечной жизни, избавиться от их телесной оболочки.

11. Религия действенного преодоления земной жизни разрешает все сложнейшие вопросы личной и социальной жизни человека.

Выпустив книгу, Джонс решает отдать все свои силы распространению своего учения. Не ограничиваясь пропагандированием своих взглядов через печать, он считает своим долгом обратиться к современникам и с живым словом. Отказавшись от своей работы в Портсмуте, Джонс перебирается в Лондон и ежедневно является в Гайд-Парк. Здесь, заплатив ничтожную символическую плату за право занять одну из кафедр, он с ее высоты говорит о своем учении. Сначала около него останавливаются только немногие праздные любопытствующие, но постепенно к обычному часу выступлений Джонса начинает собираться все более и более постоянная и вместе с тем более многочисленная аудитория. Продажа книги, которую Джонс аккуратно укладывает горкой рядом со своей трибуной, дает ему скромные средства на существование.

Приведем один характерный штрих из этого периода жизни Джонса. Один из его слушателей, присутствовавший на проповеди Джонса и ознакомившийся с его книгой, исполнился негодованием и через одну газету обратил внимание прокурорского надзора на учение Джонса, обвиняя его в пропаганде самоубийства или преднамеренного убийства. Джонс был вызван в суд и после детального обсуждения дела был оправдан на том основании, что, как говорится в приговоре: «в инкриминируемой ему книге ни

разу не встречается ни слово «самоубийство», ни «убийство», ни тем паче прямых призывов к совершению первого или последнего».

По самой своей сути учение Джонса вряд ли могло рассчитывать на особенно широкое распространение, но все же вокруг основателя новой секты скоро создался довольно многочисленный кружок. Наиболее рьяные последователи взглядов Джонса стали с течением времени настоящими апостолами нового учения, несшими весть о нем далеко за пределы Лондона. Все казалось бы благоприятствовало постепенному распространению и углублению дела, которому посвятил себя Джонс. Но, как показало время, учение Джонса нашло в самом себе погибель для своего основателя.

Один из наиболее близких и последовательных учеников Джонса, некто Барнс, постоянно радовавший своего учителя глубоким и тонким пониманием всех деталей созданной Джонсом религиозной системы, однажды обратился к нему с просьбой назначить день и час для откровенной и уединенной беседы. Джонс был несколько удивлен просьбой, так как он виделся и разговаривал с Барнсом буквально каждый день. Однако Барнс настоятельно просил выделить специальное время для предстоящего разговора, «ввиду его совершенно особой значительности для обоих собеседников», и обеспечить полное уединение.

Через день — 21 июня 1930 г. — этот знаменательный разговор состоялся. Мы излагаем его в соответствии с данным Барнсом под присягой отчетом в надлежащей авторитетной инстанции.

Барнс начал с того, что учение Джонса полностью овладело всем его существом и что у Джонса нет учеников, которые больше Барнса были бы верны этим взглядам, искреннее Барнса любили и уважали бы учителя. Растроганный Джонс в самых прочувствованных выражениях благодарил Барнса и сказал, что для него Барнс всегда был самым дорогим и самым любимым учеником и что он всегда смотрел на него как на самого достойного продолжателя его дела.

— Я очень рад, что вы так высоко расцениваете мои скромные способности, — сказал Барнс. — Но именно эта моя безграничная преданность вам и вашему учению и ваше лестное доверие ко мне налагают на меня совершенно особенную ответственность и совершенно исключительные обязанности. Я считаю вас истинным совершенством, человеком, стоящим на таком высоком моральном уровне, достигнуть которого за все время существования человечества могли только немногие избранные божи.

— Что вы, Барнс, что вы! Я самый обыкновенный человек, а если во мне и есть какие-либо черты, которые вам кажутся хорошими, то этим я обязан, в конце концов, не себе, а только милости божией, — прервал своего ученика смущенный Джонс.

— Ваша исключительная скромность, дорогой учитель, давно известна нам и лишь подтверждает то, что я только что сказал о вас. Я считаю это положение ясным и не требующим доказательств. Исходя из этого бесспорного тезиса, я считаю своим долгом перед вами со всей определенностью заявить вам, что вы вполне созрели для того, чтобы, в соответствии с духом и смыслом вашего учения, перейти с нашей низкой ступени жизни в жизнь высшую, вечную. Это, помимо всего прочего, и ваш личный долг по отношению к провозглашенной вами новой истине: вы должны стать для всех нас примером последовательного проведения учения...

— Дорогой Барнс, но я, во-первых, не чувствую себя достаточно совершенным для этого решающего шага. Во мне еще много неизжитой земной суетности. В моей душе еще много...

— Нет! Нет! Нам лучше судить об этом. Ваша чрезмерная скромность лишает вас должного масштаба для оценки ваших личных моральных качеств. Я уже сказал, что с этой стороны вопрос ясен и не нуждается ни в каких доказательствах.

— Но мое учение? Оно только что делает первые успехи! Я не могу бросить дело на половине! Это мой долг перед человечеством!

— Доктор Джонс! Вы уже немало потрудились на этом поприще: не забудьте, что ваша книга вышла в 1899 году, а сейчас мы живем уже в 1930! Кроме того, вы не раз говорили и только сегодня подтвердили это еще раз, что вы можете умереть спокойно, зная, что ваше дело останется в надежных руках. Вы, в частности, почтили меня и сегодня столь лестным для меня именем вашего самого верного и самого любимого ученика, последователя и продолжателя. Это и дает мне моральное право ставить перед вами вопрос о необходимости для провозвестника новой истины стать образцом последовательного доведения ее до конечного вывода. Я полагаю, что сейчас нам следует говорить только о практической стороне дела! Что вы предпочитаете для осуществления перехода к вечному

блаженству: стакан доброго портвейна с унцией хлоральгидрата, шприц с более чем надежной дозой морфия или револьвер? Я все это захватил с собой... О, дорогой доктор Джонс, учитель! Увенчайте дело вашей жизни! Заставьте посрамленно замолчать тех, которые уже давно шипят о расхождении между словом и делом в вашей жизни, о том, что вы, подобно Сенеке, проповедуете то, что не делаете и не собираетесь делать сами!...

— Барнс, я запрещаю вам говорить со мной таким образом: ведь мне же, в конце концов, лучше судить о том, когда я созрею для ухода из этой жизни... Не внешние причины, не желание посрамить кого-либо из моих злостных критиков, а глубокое внутреннее убеждение в своевременности этого шага будет являться основой для моего решения. Моя жизнь, как главы нового учения, не принадлежит только мне...

— Доктор Джонс! Этот довод мы также уже разобрали и отвергли. Для судьбы вашего учения ваш уход сейчас будет более полезным, чем продолжение вашей деятельности при усиливающемся ехидном подсмеивании наших врагов! Я не могу не видеть в ваших словах лишь проявление слабости и колебания. Я боюсь, что ваша дальнейшая жизнь при таком настроении повлечет вас к новым отступлениям от истинного пути. Я чувствую, что мой долг истинно верующего человека повелевает мне руководствоваться тем тезисом вашего исповедания веры, который гласит: истинно верующие люди не могут ограничиваться личным спасением. Их долг — помочь слабым и колеблющимся — да, да! Вы принадлежите к таким! — избавиться от их телесной оболочки. Молитесь, да просветит вас господь! — и Барнс торжественным движением поднял руку с браунингом.

— На помощь! На помощь! Спасите! — закричал Джонс и ринулся к двери.

Барнс, вряд ли до этой минуты когда-либо державший в своих руках огнестрельное оружие, вместо того чтобы стрелять, кинулся вдогонку, старательно продолжая вытягивать вперед руку с револьвером. Джонс, с неожиданной для его возраста скоростью, вылетел на лестницу и бросился вниз. Барнс, грузный и неповоротливый мужчина, безнадежно отстал на поворотах лестницы. Он услышал, как громко хлопнула входная дверь подъезда. Тотчас же вслед за этим раздался истерический гудок автомобиля и короткий, быстро захлебнувшийся, крик. Барнс вздрогнул, выронил револьвер, нагнулся и, спрятав его в карман, запыхавшись, выскочил на улицу. Прямо против подъезда на мостовой стоял грузовой автомобиль. У его передних колес шофер, опустившись на колени, в ужасе рассматривал измятые останки брэнной телесной оболочки доктора Джонса, неожиданно нашедшего свой путь к вечной жизни.